

УДК 821.111

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-204-209

**НЕСБЫВШЕЕСЯ ВЗРОСЛЕНИЕ:
РОМАН Э. СИБОЛД «МИЛЫЕ КОСТИ»**

© Надежда Шалимова

**UNFULFILLED GROWING-UP:
THE NOVEL “THE LOVELY BONES” BY A. SEBOLD**

Nadezhda Shalimova

The article studies the poetics of the novel “The Lovely Bones” by E. Sebold. We applied comparative-historical and structural methods. The scientific novelty of the article is our research into the novel as a work about a frustrated adulthood. We consider its ideological and artistic specificity: the narration of a dead person, the description of the world beyond and the type of the character (a teenager being on the verge of growing up). The article investigates the spatiotemporal structure of the narrative and distinguishes its earthly and heavenly places. We analyze the system of characters in the novel and prove that the protagonist’s maturation is associated with the internal evolution of minor characters whose story unfolds both in the novel’s present and in the past, which the reader discovers due to flashbacks. Our study considers the specifics of the narration: as the main character is no longer alive, she has an omniscient position – her ability of flowing into the consciousness of other characters. The novel is analyzed in terms of transformation of initiation novel’s genre structures: Suzy is simultaneously a “mentor” for her loved ones and experiences her own growing up. In the finale of the novel, the emotive aspect of the work becomes crucial: gloomy hopelessness is replaced by the motifs of hope, forgiveness and faith. The article concludes that the theme of the formation and internal evolution of a person plays a plot-forming role in modern American literature.

Keywords: E. Sebold, initiation novel, novel of release, post-traumatic narrative, unfulfilled growing up

Статья посвящена исследованию поэтики романа Э. Сиболд «Милые кости». В исследовании использованы сравнительно-исторический и структурный методы. Научная новизна работы видится в изучении романа как произведения о несостоявшемся взрослении с учетом его идейно-художественной специфики: посттравматический нарратив, повествование от лица героини, которой уже нет в живых, двоемирие, тип героя (подросток, стоящий на пороге взросления). Исследуется пространственно-временная организация повествования, выделяются земные и небесные топосы. Анализируется система персонажей романа, делается вывод о том, что взросление главной героини сопряжено с внутренней эволюцией каждого из ее близких, история которых разворачивается как в романном настоящем, так и в прошлом, о котором читатель узнает благодаря ретроспекциям. Отмечается специфика наррации: главной героини уже нет в живых, она обладает всеведущей позицией, способностью проникать в сознание других персонажей. Избранное для анализа произведение рассматривается в контексте трансформации жанровых структур романа инициации: Сюзи является одновременно «проводником» для своих близких и переживает взросление сама. основополагающим становится эмотивное пространство: мрачная безнадежность сменяется мотивами надежды, всепрощения, веры в финале произведения, что позволяет отнести данное произведение к такой разновидности романа инициации, как роман-освобождение. Делается вывод о том, что в современной американской литературе сюжетобразующую роль играет тема становления, внутренней эволюции человека.

Ключевые слова: Э. Сиболд, роман инициации, роман-освобождение, посттравматический нарратив, несостоявшееся взросление

Для цитирования: Шалимова Н. Несбывшееся взросление: роман Э. Сиболд «Милые кости» // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 204–209. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-204-209

Вопросы взросления, обретения собственной идентичности, преодоления возрастных кризисов являются магистральными в современной подростковой литературе.

Сюжетно-композиционным стержнем произведений становится структура архаического обряда посвящения, обращение к которому лежит в основе такой жанровой разновидности, как роман инициации. Его поэтика исследуется в трудах французских литературоведов (Л. Деом, Л. Селье, С. Вьерн), а также белорусских (Е. А. Борисеева) и отечественных ученых (М. И. Крупенина, С. М. Подоляк, Н. С. Шалимова, Л. Е. Чеботарева). Роман инициации, будучи генетически связанным с романом воспитания [1], является субжанровой формой, внутри которой формируется собственная жанрово-видовая система. Критерием выделения той или иной разновидности становится сюжетообразующее событие, кризис, с которым сталкивается протагонист. Так, одним из типов романа инициации является «роман-преодоление». В подобных произведениях протагонист переживает какое-то ключевое жизненное событие: борется с болезнью, участвует в преступлении, расследует загадочную историю, справляется со сложными жизненными ситуациями. Примерами являются такие романы о подростках, как «Виноваты звезды» Дж. Рина, «Тайная история» Д. Тартт и др. Поэтика такой разновидности романа инициации, как роман-постижение, наиболее сходна с классическим романом воспитания, так как изображается становление персонажа, его эволюция, путь расставания с иллюзиями и обретения самого себя. Это произведения «В поисках Аляски», «Бумажные города» Дж. Рина, «Короткая и удивительная жизнь Оскара Вау» Дж. Диаса, «Бегущий за ветром» . оссейни, «Средний пол» Дж. Евгенидиса. В романе-освобождении репрезентирован посттравматический нарратив, протагонист переживает горечь утраты, душевную боль и пустоту, с которыми старается справиться. К этому типу относятся романы «Щегол» Д. Тартт, «Жутко громко и запредельно близко» Дж. С. Фоера, «Маленькая жизнь» . Янагихары.

Особого внимания среди произведений, относящихся к роману-освобождению, заслуживает сочинение Э. Сиболд (A. Sebold, 1963) «Милые кости» («The Lovely Bones», 2002). Нарратором в этом романе является девочка Сюзи Сэлмон (Susie Salmon), которой уже нет в живых. Книгу называют светлым произведением об ужасных событиях [2]. Можно предположить, что помимо острой проблематики, связанной с насилием, преодолением травмы, интерес к роману вызван тем, что идея смерти представлена в

специфическом контексте. Отмечается «христианское утешение» (Christian comfort), которое роман предлагает читателям [3]. Мотивике и стилистике романа посвящено исследование Э. Шивани, анализируется мотив спасения в контексте выявления его значимости в литературе США [4, с. 43]. А. Беннетт интерпретирует произведение как пример репрезентации высококультурных и обывательских представлений о потусторонней жизни [5]. Интерес среди литературоведов вызвали женские образы романа (A. Bliss, M. Pertiwi). Исследуются проблемы гендера, а также темы преступления, молчания, жизни после потери близкого [6]. Помимо гендерных исследований, подробному анализу подверглись нарративные структуры произведения (A. Rizki, S. Sahota). Анализируется сюжетно-композиционная структура произведения, система мотивов [7]. Исследователь И. Каллус отмечает, что благодаря выбору рассказчика, которого уже нет в живых, повествование становится более объемным и многомерным. Ученый называет такой вид нарратива «танатографией» [8, с. 428]. «Повествованию от лица мертвеца» посвящена статья В. Б. Зусевой-Озкан, для такого типа нарратива исследовательница предлагает термин «посттравматический нарратив». Анализируется его специфика в аспекте речевой организации повествования, системы персонажей, типа хронотопа. Выявляется связанный с ним мотивно-сюжетный комплекс, в том числе насильственной смерти и неуспокоенности мертвеца, который актуален и для анализируемого нами произведения [9].

К. Бург, рассматривая такой тип нарратива, указывает на связь мотивов травмы и душевной боли, которая не исчерпывается страданиями, а является разрушением всей личности [10, с. 451]. Парадокс «мертвого рассказчика» выполняет функцию психологической помощи, так как он не просто излагает историю, но получает возможность обрести контроль над своей травмой. Эту мысль иллюстрирует признание главной героини романа «Милые кости» [11], которая замечает:

«Рассказывая свою историю, я всякий раз избавлялась от малой частицы, от крошечной капельки собственных мучений» [12, с. 214].

В возрасте четырнадцати лет Сюзи была изнасилована и убита, повествование она ведет, находясь в другом мире. О преступлении сообщается на первых страницах романа, называется его дата, конкретизируются ужасающие обстоятельства:

«Меня звали Сюзи, фамилия – Сэлмон, что, между прочим, означает „лосось“. Шестого декабря тысяча девятьсот семьдесят третьего года, когда меня убили, мне было четырнадцать лет» [Там же, с. 9].

После смерти Сюзи попадает в некий персональный рай, из которого она наблюдает за жизнью своих родных и друзей, имея возможность проникать в их сознание, видеть тайные помыслы и скрытые ото всех события.

Н. С. Зелезинская, анализируя топосы романа, отмечает, что художественное пространство этого сочинения имеет двойственный характер и делится на земное, которое населяют родные погибшей девочки, и небесное, где теперь обитает она сама [13]. Земной мир, в свою очередь, также состоит из безопасных локусов и страшных, чужих, соотносимых со смертью. Дом традиционно представлен как безопасное культурное пространство, ему противопоставлен антидом, лесной дом – место чужое, дьявольское. Это дом мистера арв и, землянка, кукурузное поле. Автор использует прием зеркального построения: внешне дома Сюзи и ее убийцы похожи, в строительстве был использован один план. героиня постоянно соотносит их друг с другом:

«Землянка была размером с чулан: у нас дома примерно в таком же закутке хранились плащи и резиновые сапоги» [12, с. 21].

Описывая жилище мистера арв и, Сюзи уделяет внимание немногочисленным предметам мебели, подчеркивает аскетизм интерьера, самым частым эпитетом становится *empty* ‘пустой’. По мнению исследователей, особую важность в структуре хронотопа получают могила нарратора-мертвеца и место его смерти [9, с. 33]. Поэтому помимо землянки топосом «ада» становится разлом в земле, куда жители Норристауна выкидывают мусор, среди которого оказывается труп девочки и подвал, также соотношенный с адом, кладбищем, подземным миром.

В структуре небесного пространства выделяются элементы индустрии развлечений, игровые площадки, качели, кафе-мороженое, которые отражают представления о современной Америке [14]. Так в романе отражается национальное самосознание и концептосфера [15]. Кроме того, этот мир имеет свойство наполняться теми объектами, которые хотят видеть вокруг себя его обитатели. Примечательно, что в описании небес отсутствует фигура Бога, религия представлена обобщенно, как вера в высшие силы [Там же] и исполняются только материальные желания, в то время как потребность в тепле и заботе не может быть удовлетворена.

Душа Сюзи принадлежит одновременно двум мирам, но не может обрести покой ни на небесах, ни на земле, поскольку пребывает в лиминальном пространстве. Н. С. Зелезинская указывает на связь этого промежуточного топоса с чистилищем [13, с. 32]. Этим обусловлено пограничное состояние Сюзи, желание участвовать в жизни близких, которые остались на земле, невозможность стать частью небесного мира, двойственность положения и нестабильность этого состояния. На небесах материализуются все желания и мечты, но Сюзи не чувствует себя счастливой, не обретает покоя. Там у девочки есть наставница Фрэнни, которая говорит ей о том, что нужно забыть прошлое, чтобы перейти на новый уровень:

«Надо отказаться от поиска ответов <...> Короче, отвернись от Земли» [12, с. 178].

Здесь возникает важнейшая для романа тема освобождения, но на этом этапе слова Фрэнни звучат для девочки как невыполнимая задача:

«Это уж слишком, подумала я» [Там же].

Небесный мир наполнен тем, что должно приносить радость: музыкальные концерты, игры с собаками, кафе-мороженое. Однако притягивает Сюзи земная жизнь, ее мысли и стремления там. По мнению исследователей, это связано с тем, что «небеса прекрасны, но они скучны и непонятно устроены, а земная жизнь, пусть и полна несправедливости и слез, но так притягательно интересна» [13, с. 31]. Вероятно, точкой притяжения на земле для Сюзи оказывается именно возможность повзрослеть, пережить ключевые этапы возрастных инициаций.

Для понимания образа главной героини необходимо проследить сюжетные линии других персонажей, с которыми тесно связана ее судьба и которые в той или иной степени влияют на становление личности девочки. Семья Сюзи включает отца (Jack), мать (Abigail), младшую сестру (Lindsey), брата (Buckley) и бабушку (Lynn). Каждый из этих героев, благодаря всеведущей наррации, показан многогранно. Отец не может пережить потерю дочери, он одержим поисками виновного, поэтому отстраняется от близких. Распад семьи связан и с образом матери Сюзи, которая покидает город и отправляется в странствие. Перед читателем раскрывается эволюция персонажей как через призму восприятия произошедшей трагедии и последовавших за ней личных драматических событий, так и ретроспективно, с помощью описания событий детства и юности. Особенно показательны в этом кон-

тексте образы матери Сюзи и преступника, мистера арв и. История Эббигейл, ее эскапизм связаны не только с непреодолимой болью от потери дочери, но и с личной драмой: невозможностью самореализоваться, которая раскрывается через описание юности героини и в последующем приводит к утрате ценности семейных отношений. Благодаря погружению в детство мистера арв и перед читателем разворачивается история формирования зла в душе персонажа. Этим же объясняется его страшная одержимость коллекционированием¹ вещей убитых девочек: мать маньяка страдала клептоманией.

Будучи частью потустороннего мира, Сюзи имеет возможность участвовать в жизни близких, наблюдать события их взросления, внутренней эволюции и переживать эти процессы вместе с ними. Наиболее значимыми фигурами оказываются ее сверстники: Рут (Ruth), Рэй (Ray), Линдси. Рут является двойником ушедшей Сюзи, поскольку именно ее коснулась героиня, перемещаясь в другой мир. Рэй также ощущает перманентную духовную связь с главной героиней. Выразительным эпизодом в этом контексте является сцена, в которой он говорит с фотографией девушки, ощущая рядом с собой ее присутствие:

«Что значит „умерла“, размышлял Рэй. Пропала, застыла, исчезла <...> я витала в воздухе, плыла в утреннем холоде <...> со мной он хотел целоваться. о-тел выпустить меня на свободу» [12, с. 22].

Мотив освобождения, который является одним из ключевых в семантическом строе романа, оказывается тесно связанным с образом Рэя, а для Сюзи становится путем инициации и обретения самой себя. Выразительным персонажем является Линдси. Именно она совершает попытку расследования обстоятельств гибели сестры, проявляет смелость и решительность, проникая в дом мистера арви. Кроме того, ей, наряду с младшим братом, досталась участь жизни в тени «ожившего мертвеца»:

«...синдром ходячего покойника – это когда люди смотрят на живых, а видят мертвых» [Там же, с. 69].

Линдси и Рэй вынуждены жить в ситуации семейной посттравмы: родители отстранены друг от друга, над всем, что происходит, висит неразрешимая трагедия².

В обряде инициации, который в той или иной степени влияет на архитектуру произведений о взрослении, ключевое значение имеет символическая смерть посвящаемого. В романе Э. Сиболд героиня умирает буквально. Сегрегацией девочки становится прощание, в данном случае принудительное расставание с жизнью. Лиминальная фаза представлена промежуточным состоянием Сюзи, невозможностью инкорпорироваться в небесную сферу, встретить родных, которых уже нет в живых, обрести покой. Инкорпорация происходит тогда, когда Сюзи переживает взросление и становится готовой как отпустить своих близких, так и принять случившуюся с ней трагедию. Покинув мир в четырнадцать лет, девочка оказалась лишена возможности повзрослеть, об этом она неоднократно говорит:

«Как ни странно, меня охватило сильное желание познать то, чего я не испытала на Земле. Я жаждала повзрослеть» [Там же, с. 25].

Пребывая в потустороннем мире, она становится носителем сакрального знания и поэтому может быть проводником и хранителем для своих близких во время кризисных испытаний их жизни. Это касается представителей как младшего поколения, ровесников девочки (Линдси, Бакли, Рут, Рэй), так и старшего (мама, папа, бабушка). Воплощением Сюзи на земле становится Рут, которая ощущает особую связь с миром мертвых и в тело которой вселяется Сюзи, чтобы пережить собственное событие инициации, знаменующее ее взросление и освобождение, – воссоединение со своим возлюбленным Рэем. Незримая связь присутствует и между Сюзи и ее младшей сестрой Линдси, в которой Сюзи «растворяется», чтобы прочувствовать яркие события юности, сопряженные с обретением собственной идентичности и, следовательно, возрастными инициациями: первая любовь, выпускной, замужество, рождение ребенка. Ключевым событием для Линдси становится преследование мистера арв и, проникновение в его дом. Итогом пути этой героини становится обретение семьи, появление дочери, которая названа в честь Сюзи. Бакли, который долгое время находился на периферии внимания семьи, потеряв не только се-

вешен во дворе своего дома. После этой трагедии родители расстаются, до детей никому из них нет дела. Главная героиня романа умирает, сестра погибшего, как и Линдси, предпринимает попытку расследования обстоятельств гибели. Этот путь становится ее взрослением и способом обретения самой себя (см. подр.: [16]).

¹ Возникает параллель с образом Фредерика Клегга, героя романа Дж. Фаулза «Коллекционер».

² Подобная ситуация описана в романе Д. Тартт «Маленький друг». В центре сюжета находится семья, потерявшая ребенка, мальчика Робина, который был по-

стру, но и на долгое время маму, вновь обретает любящее окружение и заботу. Родители Сюзи воссоединяются, снова поддерживают и понимают друг друга после драматических событий в жизни каждого из них: побега и скитаний мамы, попытки папы быть хранителем семьи при физических и душевных страданиях от невозможности найти убийцу дочери. После испытаний, которые Сюзи переживает вместе с каждым из близких, а также переломного события собственной жизни (воплощение в теле в Рут и недолгое возвращение на землю), ее душа обретает покой, она переходит в «широкий» мир, воссоединяется с умершим дедушкой.

Произведение начинается со смерти, а заканчивается рождением нового члена семьи и имеет примиряющий финал:

«На месте пустоты, возникшей с моей гибелью, постепенно вырастали и соединялись милые косточки <...> ено й этому волшебному телу была моя жизнь» [Там же, с. 22].

Переход от мрачных тем к мотивным рядам надежды и принятия знаменует освобождение героини как в буквальном (перемещение в «широкий» небесный мир), так и в знаково-символическом пространствах (отдаление от близких, но не забвение, обретение покоя). Слова Сюзи в финале романа о милых косточках выражают идею смирения, жертвенности. Универсальность аксиологических установок находит отражение в отсутствии фигуры Бога как такового, но вере героев в высшие силы. Взросление героини становится сюжетобразующим элементом романа. Поскольку обряд инициации девочка переживает уже в небесном мире, ее взросление имеет двойственный характер: эмоциональные потрясения Сюзи и переживания за близких и собственное событие – возвращение на недолгое время на землю для воссоединения с Рэем и выражение подростковой любви к нему. Благодаря фантастическому элементу – материализации Сюзи на земле, временному обретению физической оболочки, происходит взросление героини. Это событие становится для нее рубежом взросления и символизирует освобождение, после которого душа девочки обретает покой. Писательнице удастся показать универсальность этапов взросления и кризисных испытаний, с которыми сталкивается человек и избежать которые не представляется возможным. В результате Сюзи обретает гармонию с собой и переходит к вечной жизни.

Список источников

1. *Бахтин М. М.* Эпос и роман (О методологии исследования романа). СПб.: Азбука, 2000. 304 с.
2. *Donaldson K.* Why Peter Jackson Failed so Hard with the *Lovely Bones*. URL: <https://www.syfy.com/syfy-wire/why-peter-jackson-failed-so-hard-with-the-lovely-bones> (дата обращения: 10.07.2023).
3. *Darby A.* Publishing Weekly Talks with A. Sebold. URL: <https://www.publishersweekly.com/pw/by-topic/authors/interviews/article/33797-pw-talks-with-alice-sebold.html> (дата обращения: 18.06.2023).
4. *Shivani A.* Chad Harbach's «The art of fielding»: college baseball as an allegory for American national greatness. *The Cambridge Quarterly*. 2014. 43 (1). P. 39–59.
5. *Bennett A.* *Afterlife and Narrative in Contemporary Fiction*. Basingstoke: Palgrave Macmillan UK. 2012. 228 p.
6. *Wehling-Giorgi K.* Picturing the fragmented maternal body: rethinking constructs of maternity in the novels of Elena Ferrante and Alice Sebold's. *Women: a Cultural Review*. 2019. 30 (1). P. 66–83.
7. *Ahmad S., Nadarajan S.* Investigating stylistic devices in Alice Sebold's «The lovely bones». *Modern Research Studies*. 2018. 5 (4). P. 226–238.
8. *Callus I.* (Auto)thanatology or (auto)thanatology? Mark C. Taylor, Simon Critchley and the writing of the dead. *Forum for Modern Language Studies*. 2005. 41 (4). P. 427–438.
9. *Зусева-Озкан В. Б.* Повествование от лица мертвеца в современной прозе // *Новый Филологический Вестник*. 2022. № 2 (61). С. 27–39.
10. *Borg K.* Narrating trauma: Judith Butler on narrative coherence and the politics of self-narration. *Life Writing*. 2018. 15 (3). P. 447–465.
11. *Sebold A.* *The Lovely Bones*. Boston: Little, Brown and Company. 2002. 372 p.
12. *Сиболд Э.* *Милые кости*. М.: Эксмо. 2010. 384 с.
13. *Зелезинская Н. С.* Топосы смерти в романе Э. Сиболд «Милые кости» // *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2022. № 3. С. 26–40.
14. *Kiaei S., Safdari M.* Hyper-reality in Sebold's «The lovely bones». *International Journal of Comparative Literature & Translation Studies*. 2014. 2 (2). P. 53–58.
15. *Меркулова М. Г.* Теория английскости в контексте исследования творчества писателей-мультикультураллистов Великобритании // *Язык и литература в проблематике современных гуманитарных наук: сборник научных трудов по лингвистике и литературоведению*. Москва: «Принтик». 2021. С. 108–114.
16. *Шалимова Н. С.* «Пугающе жуткая книга о детях...»: особенности поэтики романа Д. Тартт «Маленький друг» // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2022. Т. 14. № 4. С. 134–143.

References

1. Bakhtin, M. M. (2000). *Epos i roman (O metodologii issledovaniya romana)* [Epic and Novel (On Methodology for the Study of the Novel)]. 304 p. St. Petersburg, Azbuka Publ. (In Russian)
2. Donaldson, K. *Why Peter Jackson Failed So Hard with the Lovely Bones*. URL: <https://www.syfy.com/syfy-wire/why-peter-jackson-failed-so-hard-with-the-lovely-bones> (accessed: 10.07.2023). (In English)
3. Darby, A. *Publishing Weekly Talks with A. Sebold*. URL: <https://www.publishersweekly.com/pw/by-topic/authors/interviews/article/33797-pw-talks-with-alice-sebold.html> (accessed: 18.06.2023). (In English)
4. Shivani, A. (2014). *Chad Harbach's "The Art of Fielding": College Baseball as an Allegory for American National Greatness*. The Cambridge Quarterly. No. 43(1), pp. 39–59. (In English)
5. Bennett, A. (2012). *Afterlife and Narrative in Contemporary Fiction*. 228 p. Basingstoke, Palgrave Macmillan UK. (In English)
6. Wehling-Giorgi, K. (2019). *Picturing the Fragmented Maternal Body: Rethinking Constructs of Maternity in the Novels of Elena Ferrante and Alice Sebold's Women: A Cultural Review*. 30(1), pp. 66–83. (In English)
7. Ahmad, S., Nadarajan, S. (2018). *Investigating Stylistic Devices in Alice Sebold's "The Lovely Bones"*. Modern Research Studies. No. 5(4), pp. 226–238. (In English)
8. Callus, I. (2005). *(Auto)thanatography or (Auto)thanatology? Mark C. Taylor, Simon Critchley and the Writing of the Dead*. Forum for Modern Language Studies. No. 41(4), pp. 427–438. (In English)
9. Zuseva-Ozkan, V. B. (2002). *Povestvovanie ot litsa mertvetsa v sovremennoi proze* [Posthumous Narrative in Modern Fiction]. *Novyi Filologicheskii Vestnik*. No. 2 (61), pp. 27–39. (In Russian)
10. Borg, K. (2018). *Narrating Trauma: Judith Butler on Narrative Coherence and the Politics of Self-Narration*. *Life Writing*. No. 15(3), pp. 447–465. (In English)
11. Sebold, A. (2002). *The Lovely Bones*. 372 p. Boston, Little, Brown and Company. (In English)
12. Sibold, E. (2010). *Milye kosti* [The Lovely Bones]. 384 p. Moscow, Eksmo. (In English)
13. Zelezinskaya, N. S. (2022). *Toposy smerti v romane Je. Sibold "Milye kosti"* [Topos of Death in the Novel "The Lovely Bones" by A. Sebold]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. No. 3, pp. 26–40. (In Russian)
14. Kiaei, S., Safdari, M. (2014). *Hyper-Reality in Sebold's "The Lovely Bones"*. *International Journal of Comparative Literature & Translation Studies*. No. 2(2), pp. 53–58. (In English)
15. Merkulova M. G. (2021). *Teoriya angliiskosti v kontekste issledovaniya tvorchestva pisatelei-mul'tikul'turalistov Velikobritanii* [The Theory of Englishness in the Context of the Study of the Works by British Multiculturist Writers]. *Yazyk i literatura v problematike sovremennykh gumanitarnykh nauk: sbornik nauchnykh trudov po lingvistike i literaturovedeniyu*. Pp. 108–114. Moscow, "Printika". (In Russian)
16. Baranova, K. M. (2011). *Vedushchie leitmotivy rannei amerikanskoi slovesnosti i ikh vliyanie na sovremennuyu literaturu* [Main Leitmotifs of Pre-national Literature and Their Influence on Modern American Literature]. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoie obrazovanie*. No. 1 (7), pp. 8–13. (In Russian)

The article was submitted on 06.09.2023

Поступила в редакцию 06.09.2023

Шалимова Надежда Сергеевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Московский городской педагогический
университет,
129226, Россия, Москва,
2-ой Сельскохозяйственный проезд, 4.
shalimovans@mgpu.ru

Shalimova Nadezhda Sergeevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Moscow City Pedagogical University,
4 Vtoroi Sel'skokhozyaistvennyi Proezd,
Moscow, 129226, Russian Federation.
shalimovans@mgpu.ru

УДК 372.881.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-210-215

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КИТАЙСКИХ СТАЖЕРОВ- ЛИНГВИСТОВ

© Роза Анопочкина

LITERARY TEXT AS A MEANS OF DEVELOPING INTERCULTURAL COMPETENCE IN CHINESE LINGUIST TRAINEES

Roza Anopchikina

The article studies the development of intercultural competence in the process of teaching international students. We discuss the preparation of trainee linguists from the People's Republic of China for intercultural communication while studying fiction.

Reading literary works develops the students' ability to empathize and argue their position, their skills of text analysis, enriches the students' language. A literary text is an important means for introducing international students to the culture they are studying, specific national characteristics and traditions of Russia, which is a part of their preparation for intercultural communication.

The article points out the difficulties that foreigners experience in the perception of poetic works, caused by their ambiguity and imagery, but concludes that it is necessary and possible to study not only prose, but also poetry with trainees from the PRC.

To participate in intercultural dialogue interns need to be able to compare the features of their native and studied cultures in order to identify differences and similarities in national cultural values and to realize universal human values. We consider it important for interns to be able to talk about their native culture in the target language. To solve these problems, we turn to literary texts of Chinese literature along with the study of Russian literature.

Based on the gained experience, the article provides examples of studying fiction with trainee linguists from the People's Republic of China.

Keywords: language, culture, intercultural competence, perception of a work of art, national and universal values

Статья посвящена проблемам формирования межкультурной компетенции в процессе обучения иностранных студентов. Автор рассматриваются возможности подготовки стажеров-лингвистов КНР к межкультурному общению в процессе изучения художественной литературы.

Чтение литературных произведений развивает способность к сопереживанию, обогащает язык обучающихся, развивает навыки анализа текста, аргументации ими собственной позиции. Обращение к художественному тексту при обучении иностранцев является важным средством для их приобщения к изучаемой культуре, ознакомления с национальными особенностями, традициями России, что является частью подготовки к межкультурной коммуникации.

Автор указывает на сложность восприятия иностранцами стихотворных произведений, вызываемых их многозначностью, образностью, однако полагает необходимым и возможным изучение со стажерами КНР не только прозаических, но и поэтических произведений.

Для участия в межкультурном диалоге стажерам необходимо уметь сопоставлять особенности родной и изучаемой культур для выявления различий и сходства национальных культурных ценностей, осознания общечеловеческих ценностей. Автор считает важным для стажеров умение говорить о родной культуре на изучаемом языке. Для решения данных задач автор обращается на занятиях к художественным текстам китайской литературы наряду с изучением русской литературы.

В статье приведены примеры изучения художественных произведений со стажерами-лингвистами КНР, основанные на авторском опыте.